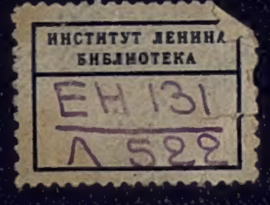
ЗИНОВЬЕВ

ЛИБКНЕХТ
И
ЛЮКСЕМБУРГ

КАРЛ ЛИБКНЕХТ
РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

ИЗДАНИЕ
СОЮЗА КОММУН СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

КАРЛ ЛИБКНЕХТ
и
РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

РЕЧИ
Г. ЗИНОВЬЕВА и Л. ТРОЦКОГО
ПРОИЗНЕСЕННЫЕ
НА ЗАСЕДАНИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА
18 ЯНВ. 1919 г.

Издательство Союза Коммун Северной Области
Петроград, 1919.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Маркс, Петроград, Измайл. просп., № 29.

ДВЕ ВЕЛИКИЕ УТРАТЫ.

I.

Речь Л. Троцкого.

Непреклонный Карл Либкнехт.

Мы понесли одну из самых тяжких утрат, вернее, сразу две тяжких утраты. Из наших рядов выбито два вождя, имена которых навсегда занесены в великую книгу пролетарской революции, — имена Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Имя Карла Либкнехта получило мировое значение с первых месяцев страшной европейской бойни.

В те первые недели, когда германский милитаризм праздновал свои первые победы, первые кровавые оргии, в те первые недели, когда немецкие полки наступали через Бельгию, разрушали бельгийские крепости, когда пушки в 420 мм., казалось, угрожали поработить и подчинить Вильгельму весь остальной мир, в те дни и недели, когда оффициальная социал-демократия германская, во главе со своим Шейдеманом и Эбертом, склонила колени перед германским капитализмом и милитаризмом, которому—тогда казалось—покорялось все — и внешний мир — Франция, с ее захваченным немцами севером—и внутренний мир—не только гер-

манское юнкерство, германская буржуазия, но и оффициально признанная партия немецкого рабочего класса—в те черные, трагические дни раздался в Германии единственный голос протеста, возмущения, проклятия,—то был голос Карла Либкнехта

И он прозвучал на весь мир.

Во Франции, где настроение широких рабочих масс находилось тогда под знаком германской оккупации, во Франции, где правящие партии французских социал-патриотов об'ясняли необходимость борьбы не на жизнь, а на смерть именно тем, что в Германии весь народ стремится захватить Париж, даже французская буржуазия и французские шовинисты открыто признавали, что Либкнехт в этом отношении один представляет исключение.

Он, впрочем, на самом деле уже не был один, ибо рука в руку с ним работала мужественная Роза Люксембург. Бесправие германского буржуазного парламентаризма не давало ей возможности свой протест бросить с парламентской трибуны, что сделал Либкнехт в Германии.

Следует указать также на сознание лучших элементов германского рабочего класса, где слово и мысль Розы Люксембург совершили могущественную работу.

Эти два человека, эти два товарища дополняли друг друга и шли неуклонно к общим целям.

Карл Либкнехт вообще представлял собой подлинное и законченное воплощение несгибаемого революционера. О нем,—указывает печать,—создавались за последние дни и месяцы неисчислимые легенды, окружая его имя теми сведениями и сообщениями, которых было так много у нас, когда еще существовала буржуазия, как правящий класс.

Карл Либкнехт был,—увы, уже только был,—в личной жизни, в личном обиходе воплощением доброты и братства. Можно сказать, что его характеру свойственна была чисто-женская мягкость, в лучшем смысле этого слова, и вместе с тем, на ряду с этой женской мягкостью — исключительный закал революционной воли, способной бороться во имя того, что он считал правдой и истиной, до последней капли крови. Он это доказал, когда возвысил свой протестующий голос против всех представителей буржуазии и предательской социал-демократии германского рейхстага, где вся атмосфера была насыщена миазмами шовинизма и победоносного милитаризма. Он это доказал, будучи солдатом, когда на Потсдамской площади Берлина поднял знамя открытого восстания против Гогенцоллернов и буржуазного милитаризма.

Он был арестован. Но тюрьма и каторга не сломили его духа, и, освобожденный революцией, которая произошла в ноябре, Либкнехт стал во главе лучших элементов германского рабочего класса.

Роза Люксембург и ее железная сила мысли.

Имя Розы Люксембург менее известно в других странах, да и у нас, в России. Но можно сказать с полной уверенностью, что это была фигура отнюдь не меньшая, чем Карл Либкнехт. Маленького роста, хрупкая, болезненная, она поражала мужеством своей мысли.

Я сказал, что оба эти вождя дополняли друг друга. Если этому несгибаемому революционеру, Либкнехту, была свойственна мягкость женского характера, то этой хрупкой женщине была свойственна железная сила мысли. Фердинанд Лассаль когда-то говорил о

физической силе мысли, о том напряжении человеческой мысли, когда она своим напором и натиском может преодолевать физические и материальные препятствия. Вот какое впечатление мы получали, когда Роза Люксембург говорила с трибуны против своих врагов; а у нее было много врагов. Она, со своим маленьким ростом и хрупким сложением, покоряла огромную могущественную аудиторию, настроенную к ней враждебно.

Силой своей логики она умела заставлять молчать самых заклятых своих противников, особенно когда слова ее доходили до широких масс.

Предательский удар реакции.

Едва Либкнехт вышел из каторжной тюрьмы, они взяли друг друга за руки, этот революционер и эта революционерка, и пошли вместе, в первых рядах, во главе германского рабочего класса, и притом всего, что было светлого, лучшего, сознательного в рядах этого класса, навстречу новой пролетарской революции. И на этом пути предательский удар сразил обоих в один и тот же день. Реакция не могла выбрать более достойных жертв и более опасных врагов.

Эта реакция воплотилась в лице бывших вождей бывшей партии рабочего класса, Шейдемана и Эберта, имена которых останутся навсегда записанными в книгу мирового рабочего движения, мировой революции, как имена ответственных организаторов этого предательского убийства.

Правда, мы получили оффициальное германское сообщение, которое изображает убийство Либкнехта и Люксембург, как „уличное недоразумение“, обусловлен-

ное, может-быть, некоторым ротозейством караула, натиском врагов коммунистической партии, натиском на ее вождей. Назначено даже судебное расследование по этому поводу...

Что могло бы быть в июльские дни у нас.

Мы слишком хорошо знаем, как производится реакцией организация такого рода стихийных натисков; мы хорошо помним июльские дни, пережитые нами здесь, в стенах Петрограда; мы слишком хорошо помним, как черносотенные группы, банды, призванные Керенским и Церетелли для борьбы против большевиков, как эти банды организованно и планомерно громили рабочих, избивали их вождей, расстреливали и перекалывали отдельных рабочих на улицах. Имена таких рабочих, как Воинов, памятны большинству из вас. Если мы тогда сохранили Ленина, если мы сохранили Зиновьева, то только потому, что они не оказались в руках у этих раз'яренных банд. Тогда находились среди меньшевиков и эс-эров люди, утверждавшие, что против Ленина и Зиновьева выдвинуты обвинения в том, что они немецкие шпионы, и, зная, что им легко опровергнуть клевету, они не являются тем не менее на суд... Им это ставилось в особую вину. На какой суд? На тот суд, по дороге к которому Ленин и Зиновьев „учинили бы побег", как „учинил" Либкнехт, т.-е. были бы расстреляны, и тогда было бы оффициально сообщено, что при попытке побега они были убиты караулом? Нет, сейчас, после этого страшного берлинского опыта, мы имеем все основания быть довольными, что ни Ленин, ни Зиновьев не предстали в то время на шемякин суд перед буржуазным правительством.

Историческое извращение.

Какое горе! Какое предательство! Истинных вождей германской коммунистической партии больше нет, нет наших великих братьев. А их убийцы стоят под знаменем социал-демократической партии, имеющей наглость вести свою родословную не от кого другого, как от Карла Маркса!

Только подумайте, товарищи, что та партия, которая продавала интересы рабочего класса с первых дней войны, которая поддерживала германский милитаризм, которая поддерживала разгром Бельгии и захват северных провинций Франции, та партия, вожди которой отдавали нас своему враждебному германскому милитаризму в дни Брестского мира, эти вожди, Шейдеман и Эберт, попрежнему величают себя марксистами и организуют черные банды, которые убивают героев Интернационала, Карла Либкнехта и Розу Люксембург!

Мы видели, что такое историческое извращение, что такой исторический грабеж, что то же самое было когда-то проделано с христианством... Разве евангельское христианство, как учение угнетенных рыбаков, рабов, тружеников, придавленных в рабском обществе к земле, разве это исторически возникшее учение бедноты не было затем захвачено монополистами богатства, королями, митрополитами, патриархами, римским папой?

Нет никакого сомнения, что между подлинным учением первобытного, древнего христианства, каким оно вышло из народного сознания и сознания трудовых низов, и между оффициальным католицизмом и православием лежит та же самая пропасть, как между учением Маркса, которое все состоит из одних лавров ре-

волюционной мысли и революционных чувств, и между теми отбросами буржуазных идей и настроений, которыми сейчас живут и торгуют Шейдеманы и Эберты всех стран.

Кровь убитых вождей вопиет!

Но я не сомневаюсь, товарищи, что это страшное преступление будет последним в счете Шейдеманов и Эбертов. Ибо много терпел пролетариат Германии от тех, которые были поставлены исторически в его главе, но этот факт не пройдет бесследно. Кровь Карла Либкнехта и Розы Люксембург вопиет, эта кровь заставит говорить камни Берлина и камни Потсдамской площади, на которой Карл Либкнехт первый поднял знамя восстания против Гогенцоллернов. И можно не сомневаться, что на улицах Берлина будут из этих камней воздвигнуты новые баррикады против вернейших холопов и цепных собак буржуазного общества, против Шейдеманови Эбертов!

Ведь не было еще полной борьбы.

Сейчас Шейдеман и Эберт задавили в Берлине движение спартаковцев, германских коммунистов; они убили двух лучших глав этого движения, и, быть-может, еще сегодня они празднуют победу; но тут победы нет, потому что еще не было прямой, открытой и полной борьбы; тут еще не было восстания германского пролетариата во имя завоевания политической власти. Это была только могучая рекогносцировка, это была глубокая разведка в лагерь расположения противника; это предшествует сражению, но это еще не сражение. И германскому пролетариату необходима была эта глубокая разведка, как она необходима была нам в июльские дни.

Историческое значение июльских дней.

Вы знаете ход событий и их внутреннюю логику. В конце февраля, по старому стилю, народные массы сбросили старый царский трон; и первые недели настроение было такое, как будто главное уже совершено; новые люди, которые выдвинулись из других партий, из партий, которые никогда у нас не стояли у власти, эти люди первое время пользовались доверием или полудоверием широких народных масс.

Петроград, однако, оказался во главе, как ему и надлежало быть—и в феврале и в июле он был ушедшим вперед авангардом широких масс, и этот авангард, призывавший народные массы к открытой борьбе против правительства буржуазного, против соглашателей, этот авангард произвел глубокую разведку.

Именно—в июльские дни он столкнулся с правительством Керенского. Это не было еще восстание, каким мы с вами его проделали в октябре, это был опыт, в смысле которого широкие массы сами себе еще не отдавали полного отчета. Петроградские рабочие об'явили только борьбу правительству Керенского, столкнулись с ним и в этом столкновении показали народным массам всех стран, что за Керенским не стоят никакие самостоятельные революционные силы, а те силы, которые стоят за ним, являются силами буржуазии, белой гвардии и контр-революции.

Как помните, мы тогда, в июле, формально потерпели поражение; товарищ Ленин и товарищ Зиновьев должны были скрываться; некоторые из нас сидели в тюрьмах, наши газеты были задушены, Петроградский Совет был взят в тиски, рабочие типографии разгром-

лены, рабочие здания и помещения опечатаны, всюду был разгул черной сотни; происходило то, что происходит теперь на улицах Берлина, и, тем не менее, ни у кого из нас не было тогда и тени сомнения, что июльские дни—только вступление к нашему торжеству.

Эти дни обнаружили силы и состав врага и показали, что правительство Керенского и Церетелли является только исполнительным органом на службе об'единенной помещичьей и буржуазной контр-революции.

То же самое произошло в Берлине.

То же самое обнаружилось и в последние дни в Германии. Как и у нас Петроград, Берлин ушел вперед от остальных народных масс; как и у нас, все враги рабочего класса кричали: нельзя оставаться под властью Берлина; Берлин изолирован, нужно созвать учредительное собрание и перенести из Берлина в более здоровый провинциальный город Германии; Берлин развращен пропагандой Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Все то, что было проделано у нас, вся та агитация, вся клевета, какую мы слышали здесь, все это в переводе на немецкий язык Шейдеман и Эберт распространяли относительно берлинского пролетариата и вождей коммунистической партии Либкнехта и Розы Люксембург.

Разведка эта развернулась там шире, чем у нас, это верно, но только потому, что германцы проделывают историю, которую мы один раз уже проделали, и потому, что классовые отношения у них более определились, чем у нас, и они ищут резких отражений своего политического воплощения.

У нас, товарищи, между нашей февральской револю-

цией и между нашими июльскими днями прошло четыре месяца; четыре месяца понадобились Петрограду для того, чтобы почувствовать неотразимую внутреннюю потребность выйти на улицу и попробовать потрясти колонны, на которые опирался государственный храм Керенского и Церетелли

После июльских дней прошло четыре месяца, пока тяжелые резервы провинции подтянулись к Петрограду, и мы могли с уверенностью в победе об'явить прямое наступление и штурм нашим классовым врагам в октябре или ноябре по новому стилю, в 17-м году.

В Германии, там революция разыгралась лишь в начале ноября, а в начале января уже происходят наши июльские дни. Немецкий пролетариат в своей революции живет по сокращенному календарю. Там, где нам нужно было четыре месяца, ему нужно два. И можно не сомневаться, что этот же масштаб сохранится и дальше. От немецких июльских дней до немецкого октября пройдет не четыре месяца, как у нас, а меньше— пройдет два месяца, может-быть, меньше того. И те выстрелы, которые раздались в спину Карлу Либкнехту сегодня, несомненно, могучим эхом прогремели во всей Германии.

И как похоронный звон оно отдалось, оно должно было отдаться, в ушах Шейдеманов и Эбертов, германских и иных.

Здесь, вот, пели реквием Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Вожди погибли. Живыми мы их не увидим никогда. Но многие ли из вас, товарищи, видали их когда-либо живыми? Ничтожное меньшинство. И тем не менее, Карл Либкнехт и Роза Люксембург жили среди вас всегда. На собраниях русских рабочих, на с'ездах вы выбирали Карла Либкнехта почетным пред-

седателем. Его не было, но он присутствовал в вашей среде, как почетный гость за вашим столом, ибо имя его стало не только простым названием отдельного человека, имя Карла Либкнехта стало для нас выражением всего лучшего, мужественного, благородного, что есть в рабочем классе, что есть в его революционных передовых отрядах; и вот что мы привыкли называть Карлом Либкнехтом! И когда любому из нас нужно было представить себе человека, закаленного с ног до головы, человека, который не склонял никогда знамени, мы называли Карла Либкнехта. Он способен был не только проливать свою кровь (это, может-быть, и не самое великое в нем), но он мог, он поднял, в остервенелом лагере врагов, в атмосфере, насыщенной парами шовинизма,—когда молчал весь германский мир, когда, казалось, нигде не было огласки, когда милитаризм все задавил, он в этих условиях возвысил свой голос, он сказал: вы, кайзер, генералы, капиталисты, вы, Шейдеманы, душите Бельгию, вы громите северные провинции Франции, вы весь мир хотите задавить, а я вам заявляю: я вас презираю, ненавижу, я об'являю вам войну, и я эту войну доведу до конца. И если, товарищи, материальной оболочки Карла Либкнехта нет, зато образ его остался и не исчезнет никогда.

Но вместе с Карлом Либкнехтом имя Розы Люксембург навсегда останется в рядах мирового рабочего движения.

Вы знаете, на чем основаны легенды о святых, об их вечной жизни? Они основаны на потребности людей сохранить память о тех, которые стояли во главе их, которые служили им, и стремление увековечить их личность в ореоле святости и создает легенды. Нам, товарищи, не нужно легенд, не нужно превращения наших героев и борцов в святых,—нам достаточно той

действительности, в которой мы живем сейчас, ибо эта действительность сама по себе легендарна. Она пробуждает легендарные силы в душе лучших наших вождей, она создает образы, которые возвышаются над всем человечеством.

Карл Либкнехт и Роза Люксембург такие вечные образы. И всегда, на всех собраниях, где мы выбирали Либкнехта своим почетным председателем, мы ощущали его присутствие и присутствие его соратницы с поразительной, почти физической, ясностью; так ощущаем мы и социализм в этот трагический час, когда об'единяемся духом с лучшими рабочими Германии, Англии, с рабочими всего мира, временно повергнутыми в скорбь и траур. Мы все испытываем этот удар наравне с ними.

В этой борьбе, в этих переживаниях мы также интернациональны, как и во всем другом.

Роза Люксембург и Карл Либкнехт—родные нам.

Либкнехт для нас не немецкий вождь, Роза Люксембург для нас не польская социалистка, которая встала во главе немецких рабочих,—они оба для нас свои, родные, с ними мы связаны духовной, нерасторжимой связью.

Тем более, товарищи, мы это должны сказать, что Либкнехт и Роза Люксембург стояли близко к русскому революционному пролетариату.

Квартира Либкнехта была штаб-квартирой всех лучших эмигрантов в Берлине, в Германии; когда надо было в немецком парламенте, в немецкой печати поднять голос протеста против тех услуг, которые немецкие империалисты оказывали русской реакции, мы об-

ращались к Карлу Либкнехту, и он стучался во все двери, во все черепа, в том числе и в черепа Шейдемана и Эберта, чтобы заставить их реагировать на такие преступления империализма.

Роза Люксембург стояла во главе той польской социал-демократии, которая теперь, вместе с левицей (польская социалистическая партия), об'единилась в одну коммунистическую партию. В Германии, Роза Люксембург, со свойственным ей талантом, овладела техникой немецкого языка и немецкой политической жизнью и заняла одно из самых выдающихся мест даже в старой германской социал-демократической партии. А в 1905 году Карл Либкнехт и Роза Люксембург жили, в подлинном смысле слова, всеми переживаниями, всеми событиями русской революции. Роза Люксембург была даже арестована в Варшаве, как борец против царизма, и, освобожденная из Варшавской цитадели на поруки, нелегально приезжала в 1906 году в Петроград, где вращалась в нашей среде и посещала под чужим именем в тюрьмах тех из нас, которые сидели тогда, и была в полном смысле слова олицетворением прямой и непосредственной связи нашей с социалистическим тогдашним миром; но, помимо связи личной, для нас остается наиболее ценной глубокая нравственная с нею связь, которая создается единством борьбы и совокупностью великих надежд во всех исторических испытаниях.

Вместе с ней мы пережили и величайшее несчастье, какое обрушилось на мировой рабочий класс; я говорю о постыдном банкротстве Второго Интернационала в августе 14-го года. Вместе с нею лучшие из нас поднимали и знамя Третьего Интернационала, не опуская рук ни на одну минуту.

Сейчас, товарищи, в той работе, которую мы совершаем, мы исполняем заветы Карла Либкнехта и Розы Люксембург; строим ли здесь, в холодном и голодном Петрограде, здание нового советского режима, мы действуем в духе Карла Либкнехта и Розы Люксембург; подвигается ли наша армия на всех фронтах, она действует в духе заветов Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Там для защиты передовых отрядов коммунистической партии Германии, в Берлине, еще не было организованной могучей силы, не было красной армии, как не было ее у нас в июльские дни, когда движение было стихийным, но не организованным, когда первая могучая волна разбилась о небольшие организованные банды. Там еще красной армии нет; у нас она уже есть, армия есть, она создается и растет.

Каждый из нас сочтет своим долгом довести до сведения каждого солдата, за что погибли Карл Либкнехт и Роза Люксембург, чем эти люди были и чем их память должна остаться для каждого солдата, для каждого рабочего и крестьянина. Обе фигуры эти вошли навсегда в наш духовный инвентарь.

Несмотря на то, что в Германии усилился прилив реакционной волны, мы ни на минуту не теряем уверенности в том, что там близок красный октябрь.

Вместе с тем, обращаясь к образам этих двух покойников, мы можем сказать: „Роза Люксембург и Карл Либкнехт, вас нет, но вы присутствуете среди нас; мы будем жить, мы будем бороться под знаменем ваших идеалов, в ореоле вашего нравственного обаяния! И мы клянемся, если придет наш час, погибнуть под тем же непреклонным знаменем, под которым погибли вы, Роза Люксембург и Карл Либкнехт!“

II.

Речь Г. Зиновьева.

Я хочу говорить больше о Розе Люксембург. Розу Люксембург я знал лично. Наши рабочие, красноармейцы и крестьяне не так ознакомлены с жизнью и деятельностью этой замечательной женщины, как с революционной работой Карла Либкнехта, ее знаменитого сподвижника.

Роль Розы Люксембург в мировой революции.

Роза Люксембург принадлежит к числу тех немногих единиц в современном поколении рабочего движения, которым выпало на долю величайшее счастье: послужить не только популяризаторами идей Маркса, но и поработать дальше, сказать свое новое слово в области теории марксизма.

Роза Люксембург стоит в ряду немногих деятелей Третьего Интернационала, соединивших в себе качества пламенного агитатора, блестящего политика и вместе с тем одного из крупнейших теоретиков и литераторов

марксизма. Обладая всеми этими первоклассными достоинствами, Роза Люксембург работала на поприще рабочего движения не менее четверти века.

Роза Люксембург начала свою работу молодой девушкой в Польше и перенесла ее затем в Германию; она работала также в России. Она была подлинным воплощением интернационалиста.

Я помню беседы с Розой Люксембург в 1906 году в деревне Куоккала на маленькой квартире тов. Ленина, находившегося тогда в полуэмиграции после того, как наша первая революция была уже разбита.

Первый, кто стал подводить теоретически итоги этой подавленной революции, первый деятель марксизма, который понимал, что такое были наши Советы уже в 1905 году, хотя они только еще зарождались, первый европейский марксист, ясно представивший себе ту роль, которая предстоит массовым революционным стачкам в сочетании с вооруженным восстанием, — была Роза Люксембург.

Ее блестящие книжки и статьи о массовой стачке, ее речи в Иене на германском социал-демократическом конгрессе, состоявшемся в момент нашей революции, ее указания на ту роль, которую предстоит сыграть Советам Рабочих Депутатов—все эти указания, сделанные десятки слишком лет тому назад, имели колоссальное историческое значение.

Розе Люксембург принадлежит дальше величайшая заслуга, которую она делит с нашим товарищем и учителем—Лениным: формулировать в 1907 году на международном Штуттгартском социалистическом конгрессе основную идею, за которую погибли Либкнехт и Люксембург и за которую борется сейчас все, что есть честного и героического в международном рабочем классе.

В 1907 году на Штуттгартском конгрессе два мира стояли друг против друга. Бернштейн и ревизионисты, как их называли тогда, утверждали, что, в сущности, рабочий класс не должен отвергать так называемую колониальную политику, или империализм (как выразились бы мы теперь), а проводить ее, как говорили, в культурных формах и ради культуры. Даже Бебель, который на склоне лет сделал много уступок правому крылу социал-демократии, даже Бебель колебался. И лишь небольшая группа марксистов, во главе которой стояли Ленин и Роза Люксембург, сказали в 1907 году, одиннадцать лет тому назад: империалистская бойня грядет, буржуазия всех стран ведет все человечество навстречу этой неминуемой катастрофе.

Какова же будет задача рабочих-революционеров, когда преступная рука буржуазии приведет Европу к этой империалистской бойне? И Люксембург с Лениным отвечали: задача будет заключаться в том, чтобы использовать весь кризис экономический и политический, какой создастся в результате войны, для того, чтобы поднять массы на борьбу против капиталистического строя.

Другими словами, они сказали тогда: задача будет заключаться в том, чтобы империалистскую войну превратить в войну гражданскую, в войну рабочих, крестьян и солдат против буржуазии, против виновников войны!

За что боролась Роза Люксембург.

Роза Люксембург, в рядах старой, казенной, оффициальной германской социал-демократии, без устали и с величайшим талантом, боролась именно за эту основную идею: первая била она тревогу в рядах германской

социал-демократии и на всех с'ездах требовала признания массовой политической стачки, тогда как даже лучшие из тогдашних вождей германской социал-демократии не хотели о ней и слышать.

Не раз упрекала она самых стойких вождей германской социал-демократии, при обсуждении вопросов иностранной политики, что, когда дело идет о принятии резолюций, социалисты очень радикальны, а когда доходит до подлинной борьбы против войны и против правительства, вызывающего эту войну, тогда все „прячутся в кусты“. Эти ее слова казались в те времена величайшей дерзостью: германская социал-демократия была в апогее своей славы.

Каждый питерский рабочий, стоящий в рядах революции несколько лет, знает, что раньше, когда еще никто не смел критиковать германскую социал-демократию, когда она казалась образцом во всех отношениях, Роза Люксембург громко заявляла уже, что партия гниет на корню.

Я превосходно помню Иенский с'езд германской социал-демократии, происходивший в 1910 году; Роза Люксембург добровольно скрестила тогда шпагу с Августом Бебелем, который в то время больше склонялся вправо, в сторону старой партии, об'явившей Розе Люксембург войну за то, что она обличала социал-демократию и указывала на присутствие элементов шовинизма в политике Ц. К. партии. А вы знаете, каким недосягаемым авторитетом пользовался Бебель в рядах германской социал-демократии; на этом с'езде он, выступая с величайшей резкостью против Розы Люксембург, чуть ли не требовал ее ухода из партии. Только небольшая группа, во главе с Кларой Цеткин, была заодно с Розой Люксембург и сидела с ней ря-

дом, когда на нее сыпались упреки. Розу Люксембург не хотели слушать, но она сумела заставить себя слушать; она приняла бой, подняла перчатку, брошенную ей Бебелем, лучшим из представителей Второго Интернационала, она заставила этот с'езд, наполовину состоявший уже тогда из лавочников и предателей социализма, произнести слово: „Интернационал".

Роза Люксембург будила революционную тревогу, она требовала честности и верности знамени Интернационала.

Не изменила она себе и во время войны. В течение всей войны, можно сказать, ни одного месяца не провела она на свободе,—Вильгельм со своей шайкой и Шейдеман с братией играли с ней, как кошка с мышью,—выпускали на несколько дней, а через некоторое время опять забирали и сажали в тюрьму, выдумывая разные обвинения, создавая процессы. Они знали, что одним из самых опасных врагов буржуазии, можно без преувеличения сказать, была и осталась Роза Люксембург.

Заслуги Карла Либкнехта.

Карлу Либкнехту принадлежат, разумеется, не меньшие заслуги. Он тоже около четверти века стоял в рядах революционеров. Карл Либкнехт,—об этом говорил вам и тов. Троцкий, — всю революцию 1905 года пережил вместе с нами.

Либкнехт принадлежал к числу немногих смельчаков в рядах германской социал-демократии, которые десять лет тому назад требовали, как тогда выражались, „антимилитаристической" пропаганды, т.-е. революционной пропаганды, среди войск.

Надо перенестись, товарищи, в тогдашнюю атмосферу прилизанной и благопристойной социал-демократии и Второго Интернационала, где требование Либкнехта казалось безумием. Сам Бебель, знавший Либкнехта с детских лет и любивший его, как сына, в резких выражениях обрушился на него за это „авантюристическое“, по его мнению, предложение. Как это так, итти к солдатам проповедывать социализм! Германская социал-демократия находила, что только авантюрист может это предлагать! Боялись, что социал-демократия потеряет через это легальность, что буржуазия обидится, что буржуазия и правящие классы найдут, что германская социал-демократия перестала быть государственной!

Либкнехт один из первых поплыл против течения. И ему удалось сломить лед. За свою знаменитую книжку „Против милитаризма“ он высидел в тюрьме не один десяток месяцев. Он был основателем союза интернациональной молодежи, которому принадлежит великое будущее. Мы знаем, какую громадную роль сыграла молодежь в нашей революции; такую же роль сыграла она и в германской, и в международной. Все, что есть молодого, свежего, честного и революционного, бодрого и благородного в рабочем классе, сгруппировалось вокруг знамени союза молодежи, одним из основателей которого был Либкнехт.

Либкнехт был на плохом счету у вождей Второго Интернационала еще до начала войны, а с началом войны попал в безусловно подозрительные.

Лично он не участвовал в Циммервальдской конференции, потому что был мобилизован; его отправили на фронт в рассчете, что шальная пуля уберет этого опасного врага буржуазии. На Циммервальдскую конференцию Либкнехт прислал нам письмо, которое кон-

чалось знаменательными словами в ответ на лозунг, который бросили тогда в начале войны Шейдеман и его братия. „Гражданский мир, перемирие между классами, между волками и овцами, между буржуазией и рабочим классом, между палачами-монархами и солдатами и крестьянами“. Таков был оффициальный лозунг германской социал-демократии. Последняя фраза в письме Либкнехта звучала так: „Товарищи, наше дело сказать теперь — не гражданский мир, а *гражданская война*, вот пароль наших дней“.

Либкнехт в единственном числе голосовал против военных кредитов в германском рейхстаге, и голос его раздавался на весь мир.

Товарищи, не забудем еще, что во Франции, где буржуазия подняла особенно сильную волну шовинизма, где все немецкое в 15-м году проклинали, где заразили рабочих и солдат необыкновенным человеконенавистничеством, имя Либкнехта произносилось с любовью! И мы знаем только один пример из французской истории, когда германский социалист пользовался такой любовью французских рабочих: я говорю о Фридрихе Энгельсе.

Справка об Энгельсе.

В начале войны, в 15-м году, во Франции проклинали все немецкое. Немецкий пролетариат изображался сбродом разбойников. Старались представить дело так, что, будто бы, политика Шейдемана и есть последовательное проведение учения Маркса. Об этом печатались десятки статей в самых распространенных буржуазных газетах и издавались целые брошюры на тему о том, что К. Маркс сам был всегда пангерманистом, сторонником „великой“ буржуазной Германии

И когда вся оффициальная, так называемая социалистическая, партия Франции отдалась этому шовинистическому течению, я помню, как престарелый Вальян, старый коммунар, на старости лет подавший свою руку дьяволу оборончества, все-таки не стерпел, когда стали задевать в газетах Энгельса. В то время готовый в ложке воды утопить каждого немца, он выступил со статьей, в которой говорил: в Германии было только два немца, которые после франко-прусской войны остались интернационалистами—Маркс и Энгельс.

Французы и Карл Либкнехт.

И вот таким же доверием и такой же популярностью пользовался в последние годы во Франции Карл Либкнехт. Есть документ,—и, вероятно, их много,—свидетельствующий о любви во Франции к Карлу Либкнехту. После одной страшно неудачной для французов перестрелки в 1915 г. французские фронтовики собрались в кружок, развели огонь, и уцелевшие солдаты,—среди коих было много интеллигентных французских рабочих,—стали обсуждать свою участь и думать о том, что ждет их дальше. И вот в это время раздалось раздумчивое восклицание какого-то солдата: „А есть же на свете все-таки люди, которые борются против этого ада, есть даже одиночки, которые одни выходят на дорогу мировой истории и провозглашают „долой войну". На что другой французский солдат произнес: „Да, *Карл Либкнехт*". В 15-м году, в окопах, там, где особенно старались разжечь шовинизм, во Франции, которая вся была об'ята пламенем шовинизма и ненавидела все немецкое, четыре года тому назад, лучшие люди, лучшие солдаты, лучшие рабочие с благоговением упоминали имя Карла Либкнехта

Товарищи, теперь представьте себе, какою болью отзовется в сердцах и германских, и французских рабочих весть, что Карла Либкнехта нет больше в живых. Представьте себе, какой могущественной пропагандой идеи коммунизма послужит сама смерть такого человека, каким был Карл Либкнехт!

Его связь с Россиею.

Когда Карл Либкнехт вышел из тюрьмы, из этого каменного мешка, когда его вырвало оттуда разбушевавшееся рабочее движение, то первым движением его души было: вспомнить о рабочем классе страны, в которой этот класс поднял знамя Коммуны и которому выпало на долю величайшее счастье победить. К. Либкнехт прежде всего вспомнил о нас, о русской революции, и отправился прямо к цели, к зданию русского посольства, где в то время еще были наши товарищи, обнажил голову перед этим зданием и сказал, что посылает „братский привет первому правительству мозолистой руки“.

Да, Карл Либкнехт и Роза Люксембург все время чувствовали самую интимную и братскую связь с нашей революцией. Именно за это они стали особенно ненавистны берлинской социал-демократии. В данный момент Шейдеман и его шайка, Эберт и его правительство живут исключительно милостями богатого дяди Вильсона и французских империалистов, которые надеются удержать волну большевизма. Правительство Шейдемана пользуется благоволением международных разбойников только постольку, поскольку оно выступает на борьбу против русской революции.

Вы помните недавний диалог между французским

и немецким генералами. Французский генерал упрекал немецкого генерала за то, что, будто бы, в оккупированных местах под Ригой немецкие войска помогают нам, большевикам. Германский генерал ответил: „ваше превосходительство, как вы не понимаете, что ваше обвинение ни на чем не основано? Германия ближе к России, стало-быть, большевизм для нас опаснее, чем для вас“. Видите, эти люди в беседе между собой не скрывают, в чем дело.

Карл Либкнехт и Роза Люксембург были ненавистны им за то, что они защищали смело, ярко и талантливо все, что есть лучшего в русском пролетариате; они были преданы русской революции и хотели итти по ее стопам.

Хотите знать, за что именно убили Розу Люксембург? Прочитайте ее речь на с'езде спартаковцев, произнесенную 31 декабря 18-го года. Роза Люксембург обвиняла Шейдемана и его шайку в желании помочь удушить русскую революцию. Она сказала: „Смотрите, что делается в Риге и в оккупированных местах. В Риге, благодаря гнусности Шейдемана и работе немецкого вождя профессиональных союзов Августа Виннига, немецкие пролетарии совместно с войсками союзников и балтийскими баронами выступают против русских большевистских войск. Это настолько гнусно, что я смело и спокойно заявляю, что немецкие вожди профессиональных союзов и немецкой социал-демократии — величайшие негодяи“.

Вот что она бросила им прямо в лицо! Роза Люксембург прибавила: „В нашем теперешнем Шейдемановском правительстве сидят не только изменники пролетарской революции, но и подлинные уголовные преступники!“

Очевидна теперь ненависть этих вождей германского пролетариата! Вся надежда мировой буржуазии сосредоточена на том, чтобы каким-нибудь барьером отделить рабочих одной страны от рабочих другой страны. И, главное, отделить от рабочих России, которые победили свою буржуазию. И они сосредоточивают все свои силы, всю свою кровожадность против людей, которые расширяют рамки революции, которые являются интернационалистами, которые учат германских рабочих итти по стопам российского коммунистического рабочего класса. Вот за что погибли Роза Люксембург и Карл Либкнехт и вот за что их любят рабочие и крестьяне русские, которые в целом ряде волостей старались назвать свои села — „селом Карла Либкнехта“. Эти крестьяне, эти рабочие и солдаты будут чтить вечно имена Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Надо чтить память великих вождей.

Товарищи, нам здесь приходится тяжело. Нам особенно тяжело последние недели. Нам будет, быть-может, еще более тяжело в ближайшие месяцы. Но, товарищи, в момент, когда нам будет особенно тяжко, когда нашим красноармейцам придется где-нибудь под Архангельском или на каком-нибудь другом отдаленном фронте в холоде, плохо одетому и обутому, лежать в цепи и отстреливаться от империалистской банды; или когда нашей работнице придется возвращаться к голодным детям с восьмушкой хлеба, или придется преодолевать те или другие новые напасти, в этот тяжелый момент мы будем вспоминать Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

За что боролись германские коммунары.

За что боролись германские коммунары, чего добивались германские рабочие, чего добивались их величайшие вожди Либкнехт и Люксембург? Они добивались того, что у нас с вами уже есть. Они прекрасно сознавали значение победы, которую они могли одержать. Победи они завтра, это еще не значило бы, что рабочие Берлина получат по два фунта хлеба и в Берлине будет продовольствие и там потекут молочные реки в кисельных берегах. Берлинские коммунары знали, как и питерские рабочие в октябре прошлого года, чрез что им предстоит пройти после взятия власти. Быть-может, несколько лет тяжелых лишений, борьбы, голода, голодной смерти! Это они превосходно знали. И они не обманывали берлинских рабочих и не говорили, что если завтра победят коммунары, то завтра же все будут сыты.

У начала новой борьбы.

Нет, они говорили: вас будут ждать новые бои. Это особенно подчеркивала Роза Люксембург. Она говорила: „Мы стоим у начала новой борьбы. Впереди—ряд месяцев, а, может-быть, и лет тяжких испытаний, лишений, борьбы“.

Берлинские коммунары знали, на что они идут; они шли на это, и легли сотнями, они отдали лучших своих людей. Кто сейчас после смерти Либкнехта и Люксембург станет думать о своей личной жизни?

Когда рабочий класс так щедро жертвует своею кровью, отдает лучшее, что есть у него, не задумываясь ни на

секунду, неужели рядовые участники движения будут колебаться? Неужели наш класс, под влиянием каких бы то ни было лишений, каких бы то ни было бедствий, поколеблется хоть на один момент?

Берлинские рабочие не отстают от петроградских и московских, а сейчас являются сосредоточием пролетарской борьбы во всей вселенной. Они пошли по нашему пути, они легли тысячами и завтра еще лягут тысячами во имя завоевания того, что уже есть в Петрограде и в Москве, и в Советской России.

Их путь — наш путь и путь рабочих всего мира.

Это ли не величайшее удовлетворение для рабочих, для крестьян и красноармейцев Советской России? Лучшее, что есть в человечестве, идет по нашему пути, видя неизбежность и верность этого пути. Тяжело нам было вчера, товарищи, и тяжело сегодня, тяжело нам в эти дни. Но вместе с тем не подлежит сомнению, что кровь Либкнехта и Люксембург ускорит созревание мировой социалистической революции!

Товарищи, так же, как чувствуем мы в этом зале, так же, будьте уверены, вчера и сегодня чувствуют рабочие и работницы всего мира. Неужели вы можете сомневаться в том, что парижские рабочие и работницы, имеющие такие благородные революционные традиции — люди, которые в 1915 году с благоговением произносили имя Карла Либкнехта, неужели вы можете сомневаться, что они, подобно нам, преисполнены решимости бороться до конца и что у них так же сжимаются кулаки и они говорят: „Отомстим за священную кровь Карла Либкнехта и Розы Люксембург!“

Так говорят теперь и рабочие всего мира. И, товарищи, преступление, совершенное Шейдеманом и Эбертом, будет стоить им дорого. Я убежден, что сейчас лучшее, что есть в германском пролетариате, твердит себе: „Неужели мы еще хоть один час потерпим у власти буржуазных убийц, называющих себя социал-демокра тами, убивающих Карла Либкнехта и Розу Люксембург гордость международного пролетариата?“

Преступная политика берлинского правительства.

Теперь мы видим результаты преступной политики господ Шейдеманов.

На первый взгляд, может-быть, покажется непонятным, что случилось в Германии. Там ведь у власти стоит все же правительство, которое называет себя правительством социалистической республики.

Роза Люксембург, со свойственной ей ясностью, в нескольких словах обрисовала положение в Германии в последней своей речи. Случилось вот что. Германская социал-демократия, уже много лет игравшая реакционную роль в истории, сумела через свой чиновно-бюрократический аппарат захватить Советы, узурпировать их права, навязать им свою политику, забрать все в свои лапы. Эти господа немедленно вырядились в сторонников Советской власти, захватили бразды правления, и рабочим Германии для того, чтобы прийти к власти, надо перешагнуть через трупы так называемой социал-демократии.

Шейдеман и Эберт созывают теперь свою учредилку.

Товарищи, мы разогнали учредительное собрание, ровно 12 месяцев тому назад. Смотрите, как оценивает

нашу политику международный пролетариат. Кто стоит за учредилку в Германии? Стая банкиров, шайка Вильгельма, шайка убийц Либкнехта и Люксембург. Не прошло месяца, как германский пролетариат заявил: „Только через наши трупы вы придете к учредительному собранию“. Буржуям кажется, что германский пролетариат—это труп, через который они перешагнут и дойдут до учредилки. На самом же деле, трупом является старая, сгнившая социал-демократия, превратившаяся в буржуазных палачей. И рабочие Германии перешагнут через нее. И мы вместе с ними придем к полной победе Третьего Интернационала!

Оглавление.

I. Речь Л. Троцкого.

II. Речь Г. Зиновьева.

Цена 1 руб. 50 коп.

АРТИСТИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ Т-ВА А. Ф. МАРКС.
ПЕТРОГРАД, ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, № 29.

